

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVІ.

1896.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	59
— Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (лл. 3, 4 и 5).	
А. Н. Веселовскій. Малкія замѣтки къ былинамъ	235
Р. Ю. Винперъ. Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религиозныхъ войнъ	278
И. Д. Чечулинъ. Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ	314

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. Д. Гришинъ. А. Гусаковъ. Деликты и договоры какъ источники обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима. Москва. 1896	370
И. Соколовъ. Книга бытія моего. Дневникъ и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть II. Годы 1844 и 1845. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждивеніе Императорскаго Палестинскаго Общества подъ редакціей И. А. Сырку. С.-Пб. 1895	396
— Книжныя новости	410
— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздкѣ, сдѣланной съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (продолженіе)	53
— Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1863 году	88

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества (окончаніе)	13
А. Г. Письмо изъ Рима	35
Л. П. Майковъ. Е. Е. Замысловскій (некрологъ)	53

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Ф. Эмианъ. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	49
---	----

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

И. А. Любимовъ. Исторія физики	515
--	-----

О ВЪЯВЛЕНІИ

Редакторъ, Чесновскій.
(Вышла 1-го августа)

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕОРИИ ВО ФРАНЦИИ ВЪ ЭПОХУ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ВОЙНЪ¹⁾.

Weill, Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion (Paris, 1892). *Treumann*, Die Monarchomachen. Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI J. (Staats- und völkerrechtliche Abhandlungen herausg. v. G. Jellinek und G. Meyer. H. 1, Leipzig, 1895). *Gierke*, Joh. Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien (Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, B. VII, Bresslau, 1880).

Изученіе политическихъ идей и ихъ движенія все болѣе становится достоинствомъ историка. Трѣбованія, вытекающія изъ примѣненія историческаго метода въ этой области, заявлены уже, повидимому, весьма опредѣленно: всадѣ встрѣчась теперь ту мысль, что понять политическія идеи можно лишь въ связи со всею обстановкой жизни, среди которой онѣ возникаютъ, что ихъ изученіе нельзя ограничивать одною логическою связью абстрактныхъ системъ, что параллельно съ изученіемъ политическихъ теорій должно вести изученіе политическихъ учреждений и политической борьбы, общественнаго строя и общественныхъ отношеній. Можно услышать далѣе, что подъ политическимъ идеаломъ, подъ образомъ наилучшаго, разумнаго, естественнаго съ точки зрѣнія современниковъ, строя, историкъ долженъ разглядѣть извѣстное настроеніе, реальныя желанія или наличныя черты политической дѣйствительности, что рядомъ съ крупными мыслителями и писателями въ этой области должно присматриваться къ ихъ читателямъ, къ среднему человѣку опредѣленнаго

¹⁾ Рефератъ, прочитанный въ историческомъ обществѣ при Московскомъ университетѣ 2-го января 1896 г.

круга и эпохи для того, чтобы судить о происхожденіи, характерѣ, интензивности и силѣ вліянія той или другой идеи или теоріи.

Надо, однако, сознаться, что задача, поставленная такимъ образомъ, выполняется въ весьма недостаточной мѣрѣ. Въ оправданіе часто указываютъ при этомъ на несоотвѣтствіе между характеромъ нашихъ источниковъ и поставленной цѣлью, на невозможность опредѣлять настроенія, кругъ мыслей массъ. Мнѣ кажется, что бѣда не въ характерѣ доставшихся намъ свѣдѣній, а въ нашихъ приемахъ, въ неприспособленности къ нашимъ новымъ задачамъ тѣхъ разрѣзовъ исторически переданнаго матеріала, тѣхъ комбинацій историческихъ данныхъ, къ которымъ мы привыкли. Мы любимъ, на примѣръ, нескаты вліянія крупнаго дѣятеля мысли; мы заранѣе поднимаемъ известную группу людей надъ общимъ уровнемъ, въ качествѣ руководителей остальной массы, и создаемъ искусственно противоположность активной и пассивной среды, можетъ быть, и существующую въ дѣйствительности, но едва ли при паличныхъ средствахъ подлежащую научному опредѣленію; а главное—такимъ разрѣзомъ мы затрудняемъ изученіе и пониманіе того цѣлаго, къ которому сводятся оба раздѣленные нами элемента, то-есть, жизни учреждений, общественныхъ взаимоотношеній, подъема и паденія общественной мысли, группировки традицій и тенденцій, всего того, что образуетъ историческій моментъ. Въ этомъ смыслѣ, на примѣръ, изучалась большею частью просвѣтительная литература XVIII вѣка. Ея дѣятелей обыкновенно выдѣляли съ ретроспективной точки зрѣнія, которая брала за исходный моментъ революцію, въ качествѣ родоначальниковъ новыхъ теорій, возникшихъ вслѣдствіе оппозиціи порядкамъ стараго режима; а между тѣмъ до сихъ поръ ждетъ очереди изслѣдованіе вопроса о томъ, какъ самыя характерныя черты политической философіи XVIII вѣка—вѣра во всемогущество просвѣщенной государственной реформы, уравнивательныя стремленія, тенденція къ свободѣ изолированныхъ личностей—появляются подъ вліяніемъ дѣйствующей правительственной системы и на основѣ сплоченнаго экономически и политически, воспитаннаго на однородныхъ впечатлѣніяхъ, но разбитаго въ своихъ старыхъ группахъ общества.

Мнѣ кажется, съ другой стороны, что новыя задачи часто понимаются слишкомъ поверхностно, формально. Дѣло въ томъ, что, подыскивая реальную подкладку политическихъ системъ и идей той или другой эпохи, стараюсь опредѣлить ближайшій предметъ, подъ впечатлѣніемъ котораго возникла та или другая сторона ученія, то-есть,

своди нѣкоторымъ образомъ политическую теорію къ суммѣ намековъ на явленія современности, историкъ исполняетъ только часть своей задачи. Установленіе такихъ непосредственно связующихъ нитей между деталями современности и изгибами политической теоріи важно, какъ вспомогательный приемъ, какъ постоянная сдержка для изслѣдователя, какъ постоянное напоминаніе ему объ извѣстной реальной почвѣ, на которой онъ стоитъ. Когда, напримѣръ, намъ говорятъ, что горячая діатриба противъ тиранніи восемнадцатилѣтняго Ла-Бозси возникла подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ кровавой расправы королевскихъ комиссаровъ и войска надъ возставшими жителями Бордо, мы получаемъ важную біографическую черту для Ла-Бозси, мы узнаемъ любопытный случай, изъ котораго видно, какъ въ то время школьная декламация на основѣ примѣровъ классической древности могла соприкасаться съ извѣстными жизненными фактами, врывавшимися въ окна учебной комнаты. Но все ли этимъ сказано? Понятна ли намъ страстная пеннипка, заключенная въ *Le Contre un*, въ тетради студента, жившаго среди, повидимому, монархически настроеннаго общества? Историческій комментарий очевидно долженъ захватывать несравненно дальше и глубже. Пользуясь вышеуказаннымъ приемомъ сближенія теоріи съ фактами окружающей жизни, нельзя въ то же время забывать, что политическая теорія, политическая идея, есть дѣйствительно абстракція, что, хотя она исходитъ отъ примыхъ впечатлѣній и постоянно ими питается, но въ то же время представляетъ продуктъ нѣкотораго сложнаго состоянія, цѣлой совокупности различныхъ данныхъ исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономическихъ и культурныхъ запросовъ, извѣстнаго отношенія общества къ своему прошлому и т. д.; нельзя забывать, что въ политической теоріи обыкновенно лишь послѣ многихъ исканій, столкновеній, въ результатъ долгихъ колебаній и поворотовъ мысли, символизируются въ простыя и рѣзкія формулы—настроенія, вызванныя группами разнообразныхъ фактовъ, накопившіяся и выросшія за цѣлый періодъ молчанія и подготовки или коренящіяся въ прочныхъ, но мало выступающихъ наружу традиціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, абсолютетская теорія, на основѣ ли божественнаго или договорнаго происхожденія власти, не можетъ быть сведена на одни непосредственныя наблюденія и впечатлѣнія теоретиковъ, развивавшихъ ее. Для того, чтобы такая теорія сложилась, усвоила твердыя формулы, необходимо продолжительное функцио-

рованіе сложнаго механизма, въ которомъ всякій привыкъ чувствовать себя подчиненною частицею, зависимою отъ цѣлаго.

Философское изученіе политическихъ теорій грѣшило тѣмъ, что принимало во вниманіе только логическое сцѣпленіе и развитіе идей, которыя нанизывались на линію воображаемаго прогресса. Такъ, на примѣръ, оцѣнивали сліяніе у Гоббса теоріи договора съ абсолютизмомъ: въ виду того, что у его предшественниковъ изъ понятія о первоначальномъ договорѣ вытекало ограниченіе власти государя, это сліяніе у Гоббса двухъ до того времени противорѣчивыхъ идей историкъ склоненъ былъ разсматривать, какъ изумительный по своей тонкости логическій шагъ, который состоялъ въ томъ, что мыслитель XVII вѣка искусною комбинаціей договора соединенія и договора подчиненія устранилъ теоретическій дуализмъ между народомъ и правителемъ. Въ теоріи Руссо видѣли дальнѣйшій и также логическій шагъ—перенесеніе верховенства съ уполномоченнаго на уполномочившаго и т. д. При этомъ упускалось также изъ виду, что основныхъ политическихъ терминовъ и соответствующихъ имъ общихъ принциповъ очень немного: они повторяются и возвращаются приблизительно, какъ въ этическихъ системахъ. Нечего и говорить, что въ разное время одни и тѣ же термины покрывали разныя понятія, и комментариемъ здѣсь можетъ служить лишь исторія дѣйствительныхъ отношеній. Было бы ошибочно поэтому искать оригинальности только тамъ, гдѣ впервые появляется извѣстный терминъ. Достаточно указать, на примѣръ, на принципъ народнаго верховенства: въ XII вѣкѣ подъ верховнымъ народомъ разумѣлся идеальный *populus romanus*, слѣдовательно то граждане Рима, то граждане всемірнаго государства Божія, то данные владыки Рима, въ XV, XVI и XVII вѣкахъ—привилегированныя группы населенія, въ XVIII вѣкѣ—совокупность націи. Лишь опредѣленіе реальнаго смысла, который подведенъ подъ тотъ или другой терминъ, можетъ установить, имѣемъ ли мы дѣло съ новыми или старыми представленіями.

Изученіе непосредственнаго соприкосновенія политическихъ теорій съ современною имъ дѣйствительностью представляетъ пока первый шагъ къ выходу изъ прежнихъ логическихъ схемъ. Но мы еще далеки отъ прочнаго установленія новыхъ реальныхъ соотношеній, и если намъ чего нибудь особенно недостаетъ, то именно изученіи жизни традицій въ обществѣ. Мы любимъ говорить о культурныхъ вліяніяхъ и культурныхъ возрожденіяхъ. Конечно, это—только историческія метафоры. Но прежде всего онѣ часто опираются на формулировку современниковъ

переворота, всегда склонныхъ или преувеличивать новизну выдвинутыхъ ими идей, или наоборотъ настаивать на ихъ исконности, и въ этомъ смыслѣ такія метафоры могутъ, пожалуй, мѣшать разобраться въ сущности происходящаго процесса. Въ лучшемъ случаѣ онѣ только намѣчаютъ намъ моменты или остановки, отъ которыхъ можетъ исходить изслѣдованіе. Вопросы о томъ, почему удалось извѣстное влияние, что заставило общество въ такой-то моментъ усвоить термины одной изъ отдаленныхъ эпохъ, напримѣръ, эпохи классической древности, и что возбудило представленіе о связи идей своего времени именно съ этою эпохой,—эти вопросы всегда выведутъ насъ къ первой задачѣ историческаго изслѣдованія—опредѣлить основной процессъ въ жизни даннаго общества, объяснить его сознаніе въ связи съ его строемъ. Въ преслѣдованіи этой задачи намъ приходится разбивать нашу предварительную классификацію, отмѣченную такими условными знаками, какъ поворотъ, реакція, возрожденіе и т. п.: мы можемъ находить долгое переживаніе извѣстныхъ традиціонныхъ представленій тамъ, гдѣ по внѣшности—разрывъ, смѣна въ политической терминологіи; съ другой стороны, не разъ, вѣроятно, придется отказаться отъ признанія прямыхъ, культурныхъ наслѣдій, непрерывной линіи передачи идеи тамъ, гдѣ передъ нами два несхожія общества, раздѣленные вѣками измѣненій.

Если можно формулировать коротко общій приѣмъ, въ которомъ, кажется мнѣ, нуждается теперь изученіе политическихъ теорій, то онъ состоитъ въ томъ, чтобы, не поддаваясь цѣликомъ фактамъ непосредственнаго соприкосновенія теоріи съ дѣйствительностью, исходить, однако, отъ такихъ фактовъ; чтобы, схватывая главный, центральный принципъ теоріи, не выводить изъ него посредствомъ логическихъ натяжекъ всѣхъ частностей и деталей, не строить на немъ системы, главнымъ же образомъ, въ томъ, чтобы, прежде чѣмъ изучать въ политической теоріи руководящій факторъ общественнаго сознанія, взглянуть на нее съ точки зрѣнія сложившихся формъ, функционирующихъ учреждений, дѣйствующихъ общественныхъ порядковъ; чтобы подсматрѣть прежде всего накопляющіяся впечатлѣнія и привычки мысли, практическія желанія и протесты въ предѣлахъ данныхъ политическихъ и общественныхъ рамокъ за цѣлый періодъ, предшествующій возникновенію теоріи, и въ этомъ направленіи подступать къ самой теоріи, какъ къ послѣдней сжатой формулѣ продолжительнаго движенія. Изученіе французскихъ политическихъ идей второй половины XVI вѣка помимо непосредственнаго интереса предмета любопытно

между прочимъ и потому, что наталкиваетъ насъ сразу на эти вопросы метода.

Я предполагаю остановиться на главныхъ работахъ, изслѣдующихъ публицистику эпохи религиозныхъ войнъ съ тѣмъ, чтобы характеризовать существующіе приемы и указать на ихъ недостатки и пробѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы иллюстрировать нѣкоторыми соображеніями необходимость и возможность намѣчающагося историческаго метода въ изученіи возникновенія и развитія политическихъ теорій.

Публицистика второй половины XVI вѣка во Франціи давно привлекаетъ вниманіе историковъ и юристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало въ исторіи эпохъ, когда бы интересъ къ политическимъ вопросамъ выражался въ такомъ множествѣ горячо написанныхъ, часто очень талантливыхъ трактатовъ и памфлетовъ, вызывавшихъ въ свою очередь, судя по полемикѣ, сильное впечатлѣніе, — въ такомъ множествѣ произведеній, которыя заключали въ себѣ и принципиальную постановку основныхъ общихъ вопросовъ политической и общественной жизни, какъ, напримѣръ, *Vindiciae contra tyrannos*, и историческую теорію, какъ *Francis Gallia Otmana*, и въ то же время попытки разрѣшенія ближайшихъ задачъ даннаго момента и положенія, непосредственные намеки и указанія на злобу дня, какъ, напримѣръ, памфлетъ *La France Turquie*. Не даромъ же эта литература ¹⁾, столь живая и полная общаго интереса, распространялась и за предѣлы Франціи, какъ, напримѣръ, можно судить по переводамъ и передѣлкамъ нѣкоторыхъ памфлетовъ, сдѣланныхъ южно-нѣмецкимъ поэтомъ и сатирикомъ Фишартомъ ²⁾. Однако, изслѣдователи, занимавшіеся этою политической литературою, всегда настаивали на томъ, что идеи, которыя проведены въ ней, не новы, не оригинальны для своего времени, что ихъ возникновеніе относится къ эпохѣ болѣе раннихъ столкновеній, частью даже ко времени борьбы императорской и папской власти. И дѣйствительно, ученіе о первоначальномъ договорѣ, о народномъ верховенствѣ, о правѣ сопротивленія тиранну и о тиранноубійствѣ, всѣ эти ученія заявлялись въ политической литературѣ съ XI—XII

¹⁾ Намболѣе полное изложеніе протестантской публицистики эпохи религиозныхъ войнъ даетъ *v. Polens, Geschichte des französischen Calvinismus* (Gotha, 1857—1869), томъ III. Книга, къ сожалѣнію, написана очень тяжело.

²⁾ *Antimachiavellus* (по Gentillet) и *Wacht früh auf* (Reveille-Matin) въ *Joh. Fischart's Sämmtliche Dichtungen*, изд. Kurz'a, томъ III, Leipzig, 1866.

вѣковъ. Если тѣмъ не менѣе въ исторической наукѣ стали придавать большое значеніе этой какъ будто бы новой формулировкѣ въ XVI вѣкѣ старыхъ идей, то главнымъ образомъ потому, что въ публицистикѣ эпохи религиозныхъ войнъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ современныхъ ей сочиненіяхъ въ Шотландіи и Испаніи историки различали черты будущей политической науки XVII и XVIII вѣковъ, потому что въ политической литературѣ XVI вѣка находили великую передаточную ступень къ теоріямъ естественнаго права, къ ученіямъ демократическимъ и конституціоннымъ, потому что въ энергическихъ публицистахъ XVI вѣка видѣли и еще видятъ „отцовъ современной демократіи“¹⁾. Вотъ этотъ взглядъ, что политическіе мыслители XVI вѣка — предтечи новаго воззрѣнія на государство, или, по крайней мѣрѣ, теорій французской революціи, этотъ взглядъ и далъ право гражданства въ политической наукѣ имени „монархомаховъ“; оно впервые употреблено абсолютистомъ Барклемъ около 1600 г., который назвалъ такъ большую группу политическихъ писателей послѣдней трети XVI вѣка, католическихъ и протестантскихъ, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея²⁾.

Въ замѣчательной книгѣ Гирке сдѣлана именно попытка связать идеи монархомаховъ и завершителя ихъ теорій, Альтгузія, сѣверо-нѣмецкаго публициста около 1600 г., съ одной стороны—со средне-вѣковыми политическими системами, съ другой—съ естественпо-правовыми ученіями XVII и XVIII вѣковъ; публицистика XVI вѣка по Гирке не что иное, какъ моментъ со средоточенія и практической выработки договорныхъ, конституціонныхъ, демократическихъ и федералистическихъ идей; высказанныя раньше, но болѣе разрозненно, менѣе настойчиво, отбѣсненныя временно, эти идеи, подъ вліяніемъ религіознаго толчка, были соединены въ цѣльную оппозиціонную систему первоначальныхъ народныхъ правъ; такимъ образомъ, сплотился весь фундаментъ для рационалистическихъ теорій государства XVIII вѣка.

Въ изслѣдованіи Гирке Европа, отъ XI до XVIII вѣка включительно, разсматривается, какъ однородное непрерывное цѣлое, а политическіе трактаты, независимо отъ мѣста и условій ихъ возникновенія, какъ простыя логическія звенья прямой цѣпи движенія и развитія нѣкоторыхъ

¹⁾ *Treumann*, Die Monarchomachen, 88.

²⁾ *Guil. Barclaius* (Barclay), De 'regno et regali potestate adversus Buchanum, Brutum, Boucherium et reliquos monarchomachos libri sex, 1600 (*Geerke*, Ioh. Althusius, p. 3).

основныхъ правовыхъ и политическихъ понятій. Марсиль, Николай Кузанскій для Гирке,— такіе же предшественники и родоначальники Бьюканана, Отмана и Альтгузія, какъ эти въ свою очередь—прямые предшественники Локка и Руссо. По всему культурному міру пробѣгаютъ параллельно два основныя теченія: одно представляетъ развитіе атомистическаго принципа, то-есть, высвобожденіе личности изъ какихъ бы то ни было группъ и соединеній, въ качествѣ самобытной и изолированной правовой единицы, въ качествѣ единственнаго объекта естественнаго права,—теченіе, которое Гирке выводитъ изъ христіанско-германскаго понятія о свободѣ; другое—развитіе принципа всемогущаго государства, вытекающаго изъ первоначальнаго договора; здѣсь сказывается главнымъ образомъ вліяніе античной идеи. Оба принципа соединяются въ радикализмъ второй половины XVIII вѣка, особенно въ теоріи Руссо. Для постановки вопросовъ у Гирке характерно уже то, что политическія теоріи разсматриваются не какъ цѣльныя явленія, а въ рядахъ развитія отдѣльныхъ идей, а слѣдовательно повторяются въ разныхъ разрѣзахъ нѣсколько разъ. Что же выдѣляетъ въ этомъ процессѣ, какъ онъ изображенъ у Гирке, интересующій насъ моментъ развитія французской публицистики?

Прежде всего возрожденіе *теократической* идеи государства подъ вліяніемъ реформациі¹⁾. Гирке видитъ эту идею, однако, только у протестантовъ, между тѣмъ какъ католики, наоборотъ, съ самаго начала борьбы рѣзко противопоставляли различное происхожденіе церкви и государства и строили послѣднее на чисто свѣтскомъ принципѣ, на свойствахъ человѣческой природы. Однако и протестанты скоро перешли къ ученію о естественно правовой и договорной основѣ государства; для своей продолжительной оппозиціи они нуждались въ основѣ болѣе широкой, менѣе исключительной, чѣмъ божественная задача государства, которая оправдывала сопротивленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда повиновеніе Богу сталкивается съ повиновеніемъ государю. Но ученіе о договорномъ характерѣ государства у протестантскихъ монархомаховъ носитъ случайный и односторонній характеръ. Возникновеніе и основной принципъ гражданскаго общества, то-есть, собственно общественный договоръ, не занимаетъ ихъ; для ихъ практической тенденціи имъ важно только существованіе на почвѣ сложившагося общества договорныхъ отношеній между государемъ и народомъ. Лишь послѣдній въ ихъ ряду Альтгузіи—настоящій творецъ

¹⁾ Geerke, pp. 56—75.

теоріи *contrat social*. Какъ общество, такъ и государственную власть онъ выводитъ изъ соединенія личностей, изъ добровольной уступки ими и суммировки индивидуальныхъ правъ.

Въ ученіи о *народномъ верховенствѣ* публицисты эпохи релігиозныхъ войнъ также не прибавляютъ ни одного новаго рациональнаго аргумента къ средневѣковой теоріи. Въ ихъ трактатахъ возрождается то представленіе о народѣ, какъ источникѣ власти, которое можно найти у Николая Кузанскаго, Филиппа де-Коммина, у ораторовъ Турскихъ Штатовъ 1484 г., то-есть, представленіе механическое, не знающее народа, какъ личности. Въ эпоху реформаціи ученіе о народномъ верховенствѣ стало замирать; въ періодъ релігиозныхъ столкновеній сектанты, нуждаясь въ опорѣ противъ существующихъ властей, вновь поднимаютъ его и выводятъ изъ него право народа, представленнаго своими законными вождями, на сопротивленіе, выводить законность тиранноубійства. Все, что добавляютъ монархомахи, это—богословскія доказательства и нѣкоторыя историческія дедукціи изъ права различныхъ націй.

Съ практической точки зрѣнія подступаютъ они и къ ученію о *представительствѣ*, также выработанному еще въ Средніе вѣка. Происхожденіе представительнаго права, его основы не занимаютъ публицистовъ XVI вѣка; они лишь ссылаются на существующій фактъ и сближаютъ соответствующія учрежденія въ разныхъ странахъ. При этомъ большинство ихъ держится убѣжденія, что на представительство цѣликомъ переходитъ вся сумма власти верховнаго народа, и что народъ, *populus constituens*, уже не имѣетъ принудительной или контролирующей силы по отношенію къ собравшимся чинамъ. Эту черту Гирке старается объяснить вліяніемъ античныхъ идей, такъ какъ древній міръ—и здѣсь Гирке слѣдуетъ давнижнему предразсудку—чуждъ принципа представительства. Такимъ образомъ онъ не замѣчаетъ въ этомъ представленіи XVI вѣка вполнѣ реальной черты: выборные въ то время были представителями не страны, подѣленной на округа, а привилегированныхъ, руководящихъ группъ, между тѣмъ какъ народъ въ цѣломъ не имѣлъ возможности высказываться. Аристократическій характеръ представительной системы монархомаховъ Гирке объясняетъ не современнымъ имъ устройствомъ Штатовъ, не сословнымъ строемъ общества, а вліяніемъ Кальвиновой идеи заступничества низшихъ народныхъ магистратовъ передъ высшею властью.

¹⁾ *Gierke*, pp. 226—263.

Въ *федералистическихъ* принципахъ нѣкоторыхъ монархомаховъ Гирке ¹⁾ видитъ прямой остатокъ средневѣковой государственной традиціи. Средневѣковая государственная идея въ сущности была федералистической. Теоретики признавали ряды самостоятельныхъ *communitates*, а универсальный союзъ, выразившійся въ церкви или имперіи, представлялся лишь относительною ступенью въ лѣстницѣ союзовъ, которые поднимаются отъ семьи въ болѣе и болѣе широкія группы. Это представление вытѣсняется уже подъ вліяніемъ папскаго абсолютизма; его разрушаетъ далѣе тенденція свѣтской власти подчинить себѣ церковную жизнь и, наконецъ, его разбиваетъ античная идея государства, впервые усвоиваемая чрезъ посредство Аристотеля. Юристы монополизируютъ понятіе государства только для *universitates superiores non recognoscetes*. Сюда присоединяется атомистическое направленіе, также враждебное федерализму. Реформація наноситъ сильный ударъ старому понятію о государствѣ, такъ какъ сливаетъ церковную власть со свѣтскою въ отдѣльныхъ территоріяхъ. Правда, еще остается идея *societatis gentium*, и нѣкоторые публицисты, напримѣръ, авторъ *Vindiciae*, понимаетъ эту *societas*, какъ всемірную республику, и выводитъ изъ этого идеальнаго общенія право и обязанность сосѣднихъ государствъ вмѣшиваться и помогать притѣсненнымъ противъ тиранніи или религіозныхъ гоненій. Теоретики, вступавшіе на почву ученія о народномъ верховенствѣ въ XVI вѣкѣ, одинаково могли придти къ централизму и къ федерализму. На практикѣ католики и протестанты здѣсь разошлись: между тѣмъ какъ первые держались централизма, монархомахи-протестанты стали настойчиво проводить федеративныя идеи подъ вліяніемъ церковнаго устройства, основаннаго на самостоятельности отдѣльныхъ общинъ. Авторъ *Vindiciae* рассматриваетъ города и провинціи, какъ стражей договора государя съ Богомъ и народомъ; въ качествѣ такихъ охранителей они могутъ возстать противъ нарушающихъ договоръ и даже отложиться отъ государства. Идеи эти подвергаются сильному нападенію со стороны представителей развивающагося ученія такихъ монархистовъ, какъ Бодэнъ.

Наконецъ, литература монархомаховъ играетъ извѣстную роль въ развитіи идеи *правовой юсударства* ¹⁾. Гирке различаетъ два направленія въ XVI вѣкѣ: одно, которое отрицаетъ понятіе *potestatis legibus soluta* и старается связать верховную власть, поконтя ли она въ народѣ или въ монархѣ, положительнымъ правомъ; другое, которое

¹⁾ *Gierke*, pp. 264—320.

принимаетъ государство, какъ абсолютную силу. Монархомахи примыкаютъ къ первому представленію, монархисты (Бодэнъ) ко второму. Позднѣе происходитъ перестановка принциповъ: сторонники народнаго верховенства покидаютъ точку зрѣнія монархомаховъ и ставятъ народную волю выше всякаго положительнаго права; напротивъ теоретики конституціонной доктрины удерживаютъ старое понятіе о верховномъ народѣ или правителѣ, связанномъ основными законами. Но монархомахи еще въ другомъ отношеніи содѣйствовали развитію идеи правоваго государства: право сопротивленія тиранну, то-есть, правителю, нарушающему законъ, они рассматривали, какъ простой выводъ изъ верховенства народа; такимъ образомъ сама революція, по ихъ ученію, заключаетъ не ограниченіе высшаго государственнаго и правоваго начала, а его послѣдовательное примѣненіе.

Вотъ въ общихъ чертахъ опредѣленіе у Гирке мѣста, которое занимаютъ въ развитіи общей политической теоріи публицисты эпохи религіозныхъ войнъ. Онъ рѣзко выдѣляетъ отъ монархомаховъ такихъ теоретиковъ, какъ Бодэнъ. Монархомахи большею частію возвращаются къ идеямъ, развившимся въ средніе вѣка, но пришедшимъ въ упадокъ, отодвинутымъ Возрожденіемъ и Реформаціей. Основное теченіе, возобновляемое ими, это — идея естественнаго права. Ихъ служеніе дѣлу этой идеи состоитъ въ томъ, что, хватаясь въ борьбѣ за различныя опоры, за сохранившіяся традиции, учрежденія, аргументы, примѣры, они собрали матеріалъ, систематизированный потомъ другими.

Работа молодого изслѣдователя *Треймана* примыкаетъ ко взглядамъ Гирке. Ее можно вмѣстѣ съ тѣмъ считать инспирированной конституціоналистомъ Йеллинекомъ, въ семинаріи котораго она возникла, тѣмъ болѣе, что въ общихъ комбинаціяхъ Трейманъ прямо ссылается на авторитетъ своего учителя. Трейманъ также изображаетъ монархомаховъ представителями переходной эпохи къ выработкѣ договорныхъ и естественно-правовыхъ теорій; организаторомъ этихъ идей онъ считаетъ впрочемъ не Альтгузія, а Гроція. Трейманъ нѣсколько болѣе подчеркиваетъ *революціонный* характеръ теорій монархомаховъ ¹⁾: развиваясь отъ одного исходнаго пункта, именно изъ понятія о правѣ неповиновенія властямъ въ вопросахъ совѣсти, политическія требованія естественно и быстро переходятъ на широ-

¹⁾ „Das Problem der Monarchomachen, auf religiösem Boden gewachsen, ist durch und durch revolutionär“ (*Treimann*, p. 15).

кое ограниченіе правъ государя вообще. Хотя здѣсь и надо искать прямого начала новой демократіи, однако въ практическихъ предложеніяхъ публицистовъ XVI вѣка, въ презрѣніи ихъ къ *bellua multorum caritum* сильно сказываются аристократическіе вкусы людей Возрожденія ¹⁾).

Трейманъ останавливается на формулировкѣ договорнаго ученія и старается указать два источника, изъ которыхъ оно въ то время черпало свои представленія и принципы. Одинъ изъ нихъ онъ видитъ въ положеніяхъ римскаго права о частно-правовомъ словесномъ договорѣ, слѣдовательно, признаетъ здѣсь главнымъ образомъ результатъ судебной практики, направляемой учеными юристами. Съ другой стороны, онъ видитъ въ договорномъ ученіи абстракцію отъ обычныхъ въ XVI вѣкѣ актовъ, каковы капитуляціи при выборахъ государя, напримѣръ, въ Германіи ²⁾, характеръ которыхъ особенно рѣзко выступаетъ при сравненіи съ современными конституціями. Замѣчаніе это—вполнѣ вѣрно и намѣчаетъ хорошій приемъ для изученія договорныхъ теорій; нельзя только не удивиться, какъ по этому поводу Трейманъ не отмѣтилъ еще болѣе близкихъ впечатлѣній и воспоминаній, подъ влияніемъ которыхъ находились, напримѣръ, французскіе монархомахи: здѣсь можно указать обычную практику уговоровъ правительства со штатами, при чемъ вотумъ налога съ одной стороны уравновѣшивался обѣщаніемъ реформъ, отмины злоупотребленій, съ другой; затѣмъ—мирныя условія между правительствомъ и религиозными партіями, въ силу которыхъ устанавливались въ государствѣ совершенно самостоятельныя организаціи; наконецъ, рядъ послѣдовательныхъ уговоровъ между протестантами и ихъ пождими на политическихъ сѣздахъ.

По этому поводу я позволю себѣ сослаться на любопытную анонимную статью протестантскаго автора, появившуюся въ сборникѣ 1570 г., которымъ я пользовался въ бібліотекѣ протестантскаго

¹⁾ *Treiman*, p. 88.

²⁾ *Treiman*, p. 85.

³⁾ Сборникъ этотъ озаглавленъ: *Histoire de nostre temps contenant un recueil des choses memorables passées et publiées pour le fait de la Religion et estat de la France depuis l'Édict de pacification du 23 j. de Mars 1568 jusqu'au jour présent. 1570.* Большая часть статей сборника—документы и письма, затѣмъ нѣсколько „*sommaires*“, разсужденій о причинахъ бѣдствій Франціи, о желательности, необходимости штатовъ. Цѣль изданія показать, что протестанты взяли за оружіе въ интересахъ государства, что они—первые и лучшіе друзья мира.

историческаго общества въ Парижѣ, и который остался, повидимому, неизвѣстнымъ специальному изслѣдователю французской памфлетной литературы, Вейлю ³⁾. Статья озаглавлена: *Question politique, s'il est licite aux subjects de capituler avec leur Prince*. Авторъ находитъ подтвержденіе своей мысли, что подданные имѣютъ право договариваться съ государемъ, не совершая при этомъ „оскорбленія величества“ въ *Sainctes lettres, histoires prophanes, loix grecques et romaines, bref—le droit naturel*. Но въ сущности онъ наираетъ на реальные факты: на существованіе многихъ городовъ, обладающихъ хартіями и привилегіями; затѣмъ на совѣщанія короля со штатами и парламентомъ, представляющія собой правильныя *capitulations*, такъ какъ здѣсь обмѣниваются взаимными обязательствами. Эти *capitulations*—лишь яркій частный случай, рассуждаетъ далѣе авторъ, въ ряду безчисленныхъ договоровъ, соглашеній, компромиссовъ, на которыхъ построена и держится жизнь общества. Уничтожить эти *contrats* и *negociations* значило бы разрушить связи, соединяющія политическое общество; самъ государь потерялъ бы тогда *toutes ses fonctions civiles et naturelles*.

Возвращаясь къ работѣ Треймана, можно сказать, что, несмотря на отдѣльныя замѣчанія, въ которыхъ видно желаніе сблизить черты теоріи съ современными ей фактами, изслѣдователь остается въ цѣломъ на философско-юридической точкѣ зрѣнія своего предшественника Гирке.

Становясь на эту точку зрѣнія, мы скользя по поверхности и исторической жизни, какъ бы зная напередъ, куда и въ какомъ темпѣ мы должны придти. Разсматривая политическіе трактаты и памфлеты, возникшіе одновременно въ разныхъ странахъ, какъ иллюстраціи одного цѣлостнаго явленія, мы получаемъ, конечно, любопытныя аналогіи; но, изучая ихъ впѣ особенныхъ мѣстныхъ условій, мы подвергаемся опасности прежде всего принять случайное, мѣстное явленіе за общее, центральное. Уже Ранке въ статьѣ о политическихъ теоріяхъ XVI вѣка замѣтилъ, что, напримѣръ, Бьюкананъ въ трактатѣ *De jure regni apud Scotos* формулируетъ лишь принципы, составляющіе, по его мнѣнію, историческое право одной Шотландіи, не имѣя въ виду вовсе выставить общую для всѣхъ обязательную и разумную политическую норму ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ можно указать

¹⁾ *Rankke*, Die Idee der Volkssouveränität in den Schriften der Jesuiten (въ *Abhandlungen und Versuche, Sämmtl. Werke*, B. XXIV (1872), 226).

и на своеобразное положеніе федералистической теоріи фрисландца Альтгузія, который явпо строилъ свою идеальную схему по образцу конституціи Германской имперіи и Нидерландскихъ Штатовъ; между тѣмъ мы видимъ, что Гирке, привязавъ тѣсною логическою нитью Альтгузія къ французскимъ монархамъ, рассматриваетъ федерализмъ, какъ главную, рѣшительную ихъ черту.

Мнѣ кажется, далѣе, что то построеніе эволюціи государственныхъ идей, которое даютъ Гирке и Трейманъ, заключаетъ въ себѣ натяжку, поскольку въ немъ подчеркнута *вліяніе античной идеи государства* на политическія теоріи эпохи Возрожденія и на возникающее абсолютистское ученіе. Мнѣ кажется, что здѣсь играетъ извѣстную роль перенесеніе на политическое сознаніе людей XV и XVI вѣковъ ученой комбинаціи нашего времени. Дѣло въ томъ, что обыкновенно, когда говорятъ о вліяніи идеи античнаго государства, при этомъ соединяютъ представленіе о такъ называемомъ совпаденіи общества съ государствомъ въ греческихъ общинахъ—съ принципомъ полноты власти римскаго императора, какъ носителя всей *majestas* народа, что при этомъ единымъ духомъ вызываютъ теоріи Аристотеля и римское право. Греческіе порядки классической эпохи по идеѣ едва ли были доступны или привлекательны людямъ Возрожденія; если они представляли чему либо аналогію, то отживающему коммунальному строю, какъ увидимъ далѣе. По этому поводу можно привести любопытныя критическія замѣчанія Бодэна на опредѣленіе гражданства у Аристотеля. Бодэнъ оспариваетъ, во первыхъ, утвержденіе Аристотеля, что основной признакъ права гражданства составляетъ активное участіе въ политической жизни и государственной службѣ. Бодэнъ старается опровергнуть Аристотеля, какъ разъ на исторіи Афинъ: онъ показываетъ, что четвертый классъ, не пользовавшійся до Перикла политическими правами, тѣмъ не менѣе принадлежалъ къ гражданству. Здѣсь именно замѣчательно, что Бодэнъ не поддается античной терминологіи, отождествляющей государство и городъ: *citoyen*,—опредѣляетъ онъ,—свободный человѣкъ, пользующійся *droits civils*, что вовсе не заключаетъ въ себѣ пользованія *droits politiques*. Обращаясь далѣе къ заключенію Аристотеля, что благородные, что горожане по преимуществу являются гражданами по сравненію съ незнатными, съ крестьянами, Бодэнъ отстраняетъ этотъ выводъ указаніемъ на порядки Страсбурга и швейцарскихъ буржуазныхъ и крестьянскихъ республикъ. Критика заканчивается восклицаніемъ: „о, если бы имѣло силу опредѣленіе гражданства, данное Аристотелемъ, сколько мы

увидали бы партійныхъ споровъ и гражданскихъ войнъ!¹⁾ Что касается римскаго права, то оно, конечно, работало (хотя и съ болѣе ранней поры, чѣмъ Возрожденіе) въ интересахъ развивающагося территоріальнаго абсолютизма. Нужно замѣтить, однако, что въ XVI вѣкѣ именно наиболѣе выдающіеся романисты, какъ Альсіа, Кюжась, старались ослабить принципъ *potestatis legibus solutae* и найти ограниченіе верховенства власти въ положительномъ правѣ²⁾. Я отмѣчу здѣсь также характерное утвержденіе Меланхтона, что *jus hominum*, противорѣчитъ абсолютному³⁾.

Въ связи съ этимъ, вообще можно спросить: кого оспаривали монархомахи, кто были ихъ противники? Были ли это романисты главнымъ образомъ или защитники божественнаго права государей? На какія традиціи, историческія дедукціи, учрежденія и явленія современности опирались эти противники? Что же именно заставило монархомаховъ обратиться къ старинѣ и къ какой именно? Эти вопросы опущены въ характеризованныхъ мною работахъ.

Если эти работы имѣли въ виду общеевропейское движеніе крупныхъ политическихъ принциповъ, извѣстный кризисъ, такъ сказать, вѣчныхъ вопросовъ политики, то книга Вейля имѣетъ въ виду исключительно *повороты борьбы въ самой Франціи*. Между тѣмъ какъ юристъ-философъ принимаетъ всѣ аргументы, высказанные въ полемикѣ эпохи релігіозныхъ войнъ за необходимыя ступени общечеловѣческаго развитія, возводитъ ихъ въ основные руководящія принципы, французскій историкъ, повидимому, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что публицистика можетъ привлекать общія идеи, крупныя принципы только ради временныхъ задачъ борьбы, что она безъ затрудненій мѣняетъ свою тенденцію. Такимъ образомъ, если принять эту точку зрѣнія, то на основаніи политической литературы бурной поры столкновеній какъ будто бы и нельзя изучать общія и болѣе глубокія основы общественно-политическаго сознанія, а можно опредѣлять

¹⁾ *Baudrillart*, *Bodin et son temps*, Paris, 1858, pp. 264—265. Въ этой чрезвычайно добросовѣстной и умной работѣ подробно изложена *République Бодена*, болѣею частью подлинными выраженіями. Я пользовался ею за неимѣніемъ французскаго текста „Республики“. См. по латинскому изданію 1594 (во Франкфуртѣ) I. I. c. VI, p. 80—81.

²⁾ *Vinners*, *Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка*, стр. 96, и *Weill*, p. 27.

³⁾ *Comment. in aliquot politicos libros Aristotelis*, Melancht. opp., ed. Bretschneider, t. XVI, p. 442.

лишь переѣны настроенія, которое вообще способно уклоняться отъ случайныхъ причинъ. Сообразно такому характеру интереса Вейль расширяетъ и кругъ своихъ источниковъ: онъ не ограничивается одними крупными трактатами историческаго или систематическаго характера, а привлекаетъ литературу дня, памфлеты, брошюры и т. д.

Вейль исходитъ изъ того положенія, что въ первой половинѣ XVI вѣка не только *монархическій строй, но и монархическая теорія были во Франціи твердо установлены*¹⁾. Протестъ штатовъ 1484 г., критику абсолютизма со стороны Филиппа де-Коммина, ученика Людовика XI и вѣрнаго слуги династии, Вейль объясняетъ временною реакціей противъ злоупотребленій новой администраціи и отказывается видѣть въ нихъ выраженіе конституціонныхъ идей. Изъ слѣдующемъ поколѣніи, у Клода Сейсселя, совѣтника короля Людовика XII и автора книги *La grand' monarchie de France* (1519), у представителей тулузской юридической школы, вырабатывается идеаль разумной и умѣренной монархіи безъ всякихъ конституціонныхъ и съ одиными моральными сдержками: государь свободно выбираетъ наилучшую въ его глазахъ форму совѣщанія; его естественная забота—обезпечить независимость суда. Теорія эта не имѣетъ ясной принципиальной основы, но въ ней опредѣленно выражается возрастающая симпатія къ абсолютизму. Въ эпоху религиозныхъ войнъ традиціи этого направленія всего лучше выражены у либеральнаго и преданнаго династии канцлера Лопитала, и таковы же, прибавляетъ Вейль, были тенденціи всѣхъ великихъ министровъ монархіи отъ Кольбера до Тюрго. Но намѣченная линія политическаго развитія Франціи нарушается вступленіемъ постороннихъ началъ. Съ монархическимъ правомъ сталкивается право религиозное, кальвинизмъ, выдвигающій дѣло совѣсти, повелѣнія Божіи выше всякаго закона и власти; это право поднимаетъ всѣ другіе оппозиціонные элементы; въ то же время присоединяется вліяніе гуманизма, вызывающаго вкусъ къ республиканскимъ формамъ и героямъ и возрождающаго такимъ образомъ популярность теорій народнаго верховенства, уже раньше знакомыхъ Франціи въ волненіяхъ *sabochiens* и рѣчахъ депутатовъ 1484 г. Такимъ образомъ у Вейля гуманизмъ играетъ роль, какъ разъ противоположную той, что признавалъ за нимъ Гирке.

Въ ходѣ развитія политическихъ теорій и полемики въ эпоху религиозныхъ войнъ Вейль различаетъ постепенный подъемъ револю-

¹⁾ *Weill*, introduction, pp. 1—28.

ціонныхъ принциповъ, достигающій у гугенотовъ апогея послѣ 1572 г.; Съ конца 1570 гг. особенно съ 1584 г., когда наслѣдникомъ престола становится протестантъ. Генрихъ Наваррскій, гугеноты возвращаются къ болѣе лояльнымъ началамъ, а въ то же время большая часть ихъ аргументовъ въ пользу народовластія, права сопротивленія и тиранноубійства переходитъ къ лигерамъ; теорія послѣднихъ въ свою очередь, послѣ момента крайняго напряженія въ 1588—1589 гг., блѣднѣютъ и утрачиваютъ силу. Для гугенотовъ Варооломеевская ночь составляетъ рѣшительную дату. Въ теченіе первыхъ трехъ религиозныхъ войнъ, какъ указываетъ Вейль ¹⁾, оппозиционные протестанты старались ясною чертою выдѣлить внѣ нападокъ самого государя; въ манифестахъ и брошюрахъ они постоянно различали неприкосновенныя права короля, по отношенію къ которому надлежитъ выказывать полное повиновеніе, и злоупотребленія, тиранию его совѣтниковъ, противъ которыхъ ведется борьба. Чтобы найти правовую почву для своихъ требованій, оправданіе для своего протеста, кальвинисты, съ мятежною аристократіей во главѣ, выдвигали традиціи, завѣщанныя, по ихъ мнѣнію, старымъ французскимъ правомъ. Особенно интересна ссылка на примѣръ лиги общественнаго блага 1465 г., боровшейся противъ администраціи Людовика XI. Анонимный памфлетистъ небольшой статьи, подъ заглавіемъ *Mémoires des occasions de la guerre appelée Le bien public rapportées à l'état de la guerre présente (1567)*, прославляетъ лигу за ея справедливый протестъ, такъ какъ „французская монархія съ самаго начала была ограничена авторитетомъ дворянства провинціальныхъ союзовъ (*communautés*) и большихъ городовъ королевства“ ²⁾.

Послѣ Варооломеевской ночи измѣняется не только тонъ, но и содержаніе оппозиціонной публицистики. Раздраженные явною измѣною двора, объявленные врагами страны, гугеноты уже не считаютъ нужнымъ падать короля. Они перестаютъ настаивать на различеніи верховной власти вообще и данного правительственна; они ставятъ вопросъ не о томъ, какъ избавить короля отъ дурныхъ тираническихъ совѣт-

¹⁾ *Weill*, chap. I—III.

²⁾ *Weill*, p. 73. Статья помѣщена и въ сборникѣ *Recueil des choses mémorables*, упомянутомъ выше. Авторъ приводитъ выдержки изъ хроникъ XV вѣка и заключаетъ изъ нихъ: *par tous ces mémoires donc que li appert que les Estats furent lors (при Людовикѣ XI) pourchassez avec les armes et pourchassez comme le seul moyen unique et souverain de reformer les abus et finalement par le Roy mesmes* (т. е. въ 1468 г.).

никовъ, а о томъ, какъ поступать по отношенію къ государю, ставшему тиранномъ, какъ гарантировать подданныхъ отъ его притѣсненій, въ какой мѣрѣ допустимо неповиновеніе или сопротивленіе ему. Подъ влияніемъ этого-то настроенія возникли самыя талантливыя и яркія произведенія политической литературы второй половины XVI вѣка, между ними на первомъ мѣстѣ *Franco-Gallia* Отмана, *Vindiciae contra tyrannos*, авторъ котораго, вѣроятно, Duplessis-Mornay, скрылся подъ всевдонимомъ Юлія Брута, и анонимный *Reveille matin des français*. Здѣсь развивается совершенно новая революціонная система государственнаго права.

Вейль отмѣчаетъ общія черты этихъ произведеній, ихъ взаимное соприкосновеніе и старается показать ближайшую связь деталей съ одновременными событіями. *Franco-Gallia* Отмана ¹⁾, это первое систематическое построеніе государственно-правоваго развитія Франціи, онъ считаетъ не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ политической страсти, едва прикрытой маскою эрудиціи. Отманъ ссылается на исконныя начала политическаго строя Франціи, на первоначальное галльское устройство съ выборными правителями и народными собраніями, на освободительную миссію франковъ, которые — какъ свидѣтельствуесть ихъ имя—принесли галламъ избавленіе отъ римскаго деспотизма, на правильное участіе въ управленіи общественныхъ представителей, которое характеризуетъ французскую жизнь въ теченіе одиннадцати вѣковъ; всѣ эти ссылки Вейль склоненъ истолковать, какъ сложную и хитрую систему аргументовъ и иллюстрацій, придуманную авторомъ для оправданія гугенотской оппозиціи. Обращеніе Отмана къ галльской старинѣ, къ политической мудрости предковъ совершенно аналогично стремленію кальвинистовъ возстановить первоначальную чистоту церкви. Вражда къ античному Риму объясняется ненавистью кальвиниста къ папскому Риму. Отказывая женщинамъ въ политическихъ способностяхъ и критикуя правленіе Грэнгильды и Бланки Кастильской, Отманъ въ сущности мѣтнеть въ Екатерину Медичи и т. д.

Vindiciae contra tyrannos ²⁾—произведеніе настоящаго ученика Кальвина, исполненнаго ветхозавѣтныхъ образовъ. Впереди поставлены два вопроса: 1) обязаны ли подданные повиноваться государю въ его велѣніяхъ, противныхъ заповѣдямъ Божиимъ, 2) въ какой

¹⁾ *Weill*, pp. 99—109.

²⁾ *Weill*, pp. 109—121.

нѣрѣ допустимо сопротивленіе государю, нарушающему божественный законъ? Отвѣтомъ служить дѣлая теорія божественнаго права на землѣ. Лишь Богъ править неограниченно, земные государи — *regesarii*, ихъ власть — *delegata*; они—Божьи вассалы, и Онъ можетъ свергнуть вассала, когда тотъ нарушилъ присягу. Въ основѣ дѣйствующаго права лежить договоръ, заключенный между Богомъ, государемъ и народомъ, въ силу котораго оба послѣдніе обѣщали быть вѣрными Богу и охранять его церковь. Если одна сторона нарушаетъ Божій завѣтъ, Богъ тѣмъ строже требуетъ исполненія его отъ другой (такъ какъ Онъ хочетъ всего, *integram rem*), то-есть, сопротивленіе въ дѣлахъ вѣры, при соблюденіи извѣстныхъ условій, законно. Правильно также сопротивленіе тиранну, порабощающему народъ и губящему государство, то-есть, борьба съ тиранніей свѣтской. Какъ видно изъ Ветхаго Завѣта, государи, по указанію Божію, избираются народомъ; государи—слуги государства. Какъ весь народъ выше государя, также точно выше его и носители государственныхъ обязанностей, *regni officarii*. отличные отъ королевскихъ слугъ и выбравшіеся первоначально народнымъ собраніемъ. Такого рода правители втораго порядка существуютъ во всѣхъ государствахъ („кромѣ Московіи и Турціи, которыя должно считать не государствами, а соединеніями разбойниковъ“). Изъ этимъ органамъ авторъ *Vindiciae* причисляетъ собраніе трехъ чиновъ во Франціи, которое, говоритъ онъ, стали теперь рѣже созывать, но которое имѣло право низлагать дурнаго правителя и лишать династію престола. Такимъ образомъ, авторъ *Vindiciae* сходится съ Отманомъ въ одинаковой характеристикѣ основнаго строя, конституціи Франціи, хотя исходитъ не изъ историческаго права, а изъ богословскаго принципа. Вѣдь отмѣчаетъ у нихъ еще одну общую черту, характерную для всей протестантской публицистики. Верховный, конституирующий власть народъ на дѣлѣ сводится у этихъ писателей всегда на извѣстнаго рода аристократію, на отборный слой, который въ *Vindiciae* называется *epitome regni*, на высшихъ представителей независимой служебной іерархіи, дворянъ и лишь отчасти на городскихъ представителей въ лицѣ магистратовъ.

Reveille-Matin ¹⁾ представляетъ послѣднюю ступень раздраженія въ религиозно-политической борьбѣ. Авторъ прославляетъ прямо тиранноубійство и въ своей ненависти къ правящему дому готовъ при-

¹⁾ *Weill*, pp. 95—97.

звать на престолъ его соперниковъ, Гизовъ, несмотря на ихъ роль въ религиозномъ столкновении и на ихъ отношеніе къ Колиньи. *Reveille-Matin* интересенъ, по мнѣнію Вейля, еще какъ выраженіе федералистическихъ началъ, въ появленіи которыхъ должно видѣть возрастающее отчужденіе гугенотовъ отъ государства.

Доводы и ссылки, собранные и придуманные впервые протестантскими публицистами подъ давленіемъ чрезвычайныхъ условий ихъ положенія, подъ впечатлѣніемъ анархическаго и разстройства королевской администраціи, не остались въ границахъ одной религиозно-политической партіи. Они передались противникамъ, передались людямъ нейтральнымъ въ борьбѣ исповѣданій, даже защитникамъ королевской власти. Отмѣчая огромное вліяніе оригинальной книги Отмана, Вейль находитъ всюду слѣды ея историческихъ комбинацій; онъ производитъ на современниковъ впечатлѣніе историческихъ фактовъ, и теоретическіе противники не рѣшаются ихъ отрицать. Уже первая лига 1576 г. обѣщала, какъ раньше гугеноты, возратить провинціямъ „ихъ старинныя права и вольности, какія были во времена Хлодвига, перваго короля христіанскаго, и еще лучшія и болѣе выгодныя“ ¹⁾. Теоретики обширной лиги второй половины 80-хъ гг., поднявшей возстаніе противъ Генриха III, напримѣръ, рѣзкій Буше, по мнѣнію Вейля ²⁾, только повторяли аргументацію протестантскихъ публицистовъ въ пользу права сопротивленія народа и его представителей тиранну и въ защиту тиранноубійства.

Съ той же точки зрѣнія объясняетъ Вейль и особенности въ теоріяхъ умѣренныхъ монархистовъ, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ *Бодэнъ* ³⁾. Вейль старается показать, что въ теоріи Бодэна, строящей основы просвѣщенной, но полновластной монархическаго, есть аномаліи, которыя должны быть отнесены на счетъ вліянія религиозныхъ войнъ и революціонныхъ трактатовъ. „Недаромъ, говоритъ онъ, самыя искренніе защитники монархическаго присутствовали при взрывѣ теорій народнаго верховенства и воззваній къ борьбѣ съ тиранномъ. Оппозиціонные писатели, несмотря на крайности, льстили либеральной тенденціи, которая всегда жила среди образованной буржуазіи“ ⁴⁾. И вотъ этотъ примѣръ приводитъ Бодэнъ, ученика его

¹⁾ *Weill*, p. 141.

²⁾ *Weill*, pp. 232—223.

³⁾ *Weill*, pp. 159—171.

⁴⁾ *Weill*, p. 196.

Грегуара Тулузскаго, даже такихъ сторонниковъ политики Медичи, какъ Цампини, къ мыслямъ объ ограниченіи власти, къ защитѣ такихъ учреждений и политическихъ приемовъ, передъ которыми послѣдовательные монархисты эпохи Франциска I должны были бы испугаться. Сюда Вейль относитъ прежде всего разсужденія Бодэна о правѣ сопротивленія тиранну. Бодэнъ такъ же, какъ протестанты, различаетъ тиранна-узурпатора (*quoad titulum*), въ отношеніи котораго допустимо всякое насиліе, и тиранна по характеру управления (*quoad exercitium*), котораго должно терпѣть, разъ онъ законный король, какъ во Франціи, хотя отъ его деспотизма народъ и можетъ быть избавленъ чужимъ правителемъ, что будетъ добрымъ дѣломъ. Затѣмъ Бодэнъ настаиваетъ на необходимости для государя, такъ какъ онъ связанъ божескими и естественными законами, соблюдать заключенные имъ самимъ или его предшественниками договоры и условія, не только внѣшніе, но и внутренніе, при чемъ прямо названы условія, заключаемыя по уговору со штатами. Всего любопытнѣе признаніе въ пользу права штатовъ вотировать налогъ. Бодэнъ, правда, отказывается видѣть въ штатахъ самобытное народное учрежденіе: „оскорбленіемъ величества будетъ возводить подданныхъ въ соправители и сотоварищи верховнаго государя“. Природа генеральныхъ штатовъ достаточно обнаруживается въ обычаѣ преклонить колѣна передъ королемъ и всецѣлѣе подавать ему представленія и ходатайства. Ихъ собранія служатъ, напротивъ, къ усиленію королевскаго авторитета. И все-же новые налоги не могутъ быть назначаемы безъ согласія трехъ чиновъ.

Вейль допускаетъ, что Бодэновской теоріи отвѣчалъ до извѣстной степени порядокъ, который господствовалъ во Франціи съ 1576 по 1585 г., когда монархія, признавая въ принципѣ правильное участіе въ управленіи представительныхъ собраній, фактически была сдерживаема самостоятельностью и привилегіями классовъ, партій, провинцій, общинъ и корпораций. Но эта „либеральная монархія“ была случайностью, которую не сумѣли закрѣпить. Крайности взяли верхъ, погубили этотъ порядокъ и вызвали реакцію къ абсолютизму¹⁾. Такимъ образомъ политическія организаціи и стремленія были разрушены дальнѣйшимъ ходомъ самой борьбы. По Вейлю аргументы, которые выдвигались во время борьбы, — результатъ необходимости. Оттого они переходятъ отъ гугенотовъ къ Бодэну, къ

¹⁾ Weill, Conclusion, pp. 290—291.

католикамъ, которые раньше стояли за абсолютизмъ, а гугеноты между тѣмъ становятся защитниками монархіи. Надо было найти опору противъ злоупотребленій или преслѣдованій и вотъ цѣплялись за сохранившіяся учрежденія, за нѣкоторыя историческія воспоминанія или, лучше сказать, историческія комбинаціи, за абстрактныя доказательства, взятые изъ Писанія, изъ жизни античнаго и средне-вѣковаго міра. Въ цѣломъ взрывъ оппозиціонныхъ теченій представляется Вейлю чѣмъ-то переходящимъ, внесеннымъ случайно причиною, именно религиознымъ движеніемъ. Общество XVI вѣка во Франціи было исполнено, по его мнѣнію, искренняго роялизма ¹⁾.

Если послѣднее утвержденіе означаетъ только, что монархію не имѣли въ виду уничтожать даже самые крайніе противники Валуа и самые рѣшительные сектанты, то съ этимъ никто не станетъ спорить. Но въ мысли Вейля есть другая тенденція. Онъ примыкаетъ къ тому взгляду, который между прочимъ такъ настойчиво проведенъ у Сореля (въ *L'Europe et la Révolution française*), что чистая монархія—нормальная форма старой Франціи со времени выхода ея изъ феодальнаго раздробленія, что только случайныя кризисы и дурныя правленія задерживали по временамъ движеніе къ абсолютизму, что другія учрежденія, внѣ собственно монархическихъ, были переходящими, частными придатками или остаткомъ разрушавшагося порядка. Очень характерны въ этомъ отношеніи усилія Вейля, которымъ я нахожу аналогію у Сореля, доказать, что во Франціи никогда не было никакой конституціи, никакого законно ограничивавшаго монархію порядка, или, если угодно, никакого государственнаго права. Такого рода доказательства какъ будто доставляютъ извѣстное утѣшеніе французамъ, какъ будто даютъ оправданіе націи въ томъ, что она не выработала до революціи гарантій политической свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ, что самая катастрофа носила такой насильственный характеръ, а выросшія изъ нея учрежденія оказались столь оторванными отъ всякихъ традицій.

Нельзя не замѣтить, однако, крайне формальнаго характера этихъ доказательствъ. Сорель ссылается на слова Ришельё, Людовика XVI, Ламуаньона ²⁾. Вейль настаиваетъ на отсутствіи основныхъ законовъ. Разбирая аргументацію публицистовъ XVI вѣка, какъ лояльныхъ, такъ и революціонныхъ, онъ находитъ въ ней ссылку лишь на три ненаруши-

¹⁾ *Weill*, Conclusion, pp. 276—292.

²⁾ *Sorel*, l. c., t. I, p. 197 sq.

мыхъ и крѣпко утвержденныхъ начала ¹⁾): неприкосновенность домена, салическій законъ, католичность короля; но ни одно изъ нихъ не даетъ опоры для политической свободы. Вопросъ о штатахъ, о ихъ правѣ участвовать въ управленіи былъ именно вѣчно спорнымъ. Роясь въ старинѣ, разбирая ея живые остатки, на что могли опереться противники абсолютизма? Если они говорили объ ограничивающей роли пэровъ королевства, какъ соправителей короля, о сановникахъ, носившихъ титулъ не королевскихъ, а французскихъ (*de France*), какъ, напримѣръ, коннетабли, то не трудно замѣтить, что въ данную эпоху о ихъ независимости не могло быть рѣчи, что они представляли только парадъ, декорацию. На парламентъ нельзя было тогда ссылаться, такъ какъ притязанія, связанные съ его правомъ ремонстрацій, только что складывались. Генеральные штаты были учрежденіемъ, крайне непрочно поставленнымъ. Наиболѣе жизненная въ XVI вѣкѣ тенденція, защита мѣстныхъ вольностей, которая могла бы создать важную гарантію противъ произвола, не соединилась съ движеніемъ въ пользу штатовъ. Такимъ образомъ было изъ чего сколотить оппозиционную систему въ моментъ кризиса, но не было прочной опоры для умѣренной конституціонной формы правленія, а потому не могло быть и опредѣленнаго конституціоннаго сознанія. Въ 1560 г. недовольные вспоминаютъ про генеральные штаты, а послѣ 1572 г. отъ нихъ многіе ждутъ единственнаго спасенія и выставляютъ ихъ вслѣдствіе этого, какъ исконное французское учрежденіе. Но умѣренный монархистъ начала XVI вѣка, Сейссель, обозрѣвая сдерживающія монархію учрежденія и силы, не упоминаетъ о штатахъ, а либерально настроенный Этьенъ Пакье, современникъ религіозныхъ войнъ, считаетъ увлеченіе штатами вреднымъ предрасудкомъ; штаты — не только не народное учрежденіе, а они, напротивъ, — орудіе королевской политики, придуманное для того, чтобы ослѣпить народъ и удобнѣе взимать подати; истинное представительство настоящее продолженіе майскихъ полей Карла, это — парламентъ. Въ это же самое время Отманъ громитъ парламентъ, какъ клику чиновниковъ, узурпировавшихъ драгоценныя народныя права.

И все-таки мнѣ кажется, что однимъ указаніемъ на отсутствіе во Франціи основныхъ писанныхъ законовъ и правильно дѣйствующихъ органовъ, которые бы ограничивали монархію, на недостатокъ твердой теоріи, на противорѣчивость историческихъ ссылокъ, не легко

¹⁾ *Weill*, conclusion, 1. с.

устранить то естественное предположеніе, что оппозиціонныя теоріи эпохи религіозныхъ войнъ должны были опираться на извѣстныя представленія о прошломъ, на политическія традиціи, на элементы государственно-правоваго сознанія, начало которыхъ относится ко времени до XVI вѣка. Вѣдь и для англійскаго парламентскаго правленія до XVII вѣка нельзя указать той формальной конституціонной основы, отсутствіе которой во Франціи принимается, какъ доказательство господства чистой монархіи со времени обузданія феодаловъ и объединенія территоріи. Какъ бы ни были различны шансы новой монархіи въ Англіи и Франціи въ концѣ XV вѣка, но формально въ эту эпоху обѣ онѣ, какъ и вообще западно-европейскія страны, кромѣ итальянскихъ государствъ, стояли на одной политической ступени и въ своемъ конституціонномъ сознаніи, если мы отвлечемся отъ практической постановки дѣла, отъ отношеній мѣстныхъ силъ, онѣ приближались другъ къ другу. *Филиппъ де Комминъ*, этотъ поклонникъ Людовика XI, прямо заявляетъ, что итѣть на землѣ короля или сеньера, который бы имѣлъ власть, помимо своего домена, наложить хотя бы грюнъ на своихъ подданныхъ безъ согласія плательщиковъ иначе, какъ тираннически и насильственно; но его мнѣнію, справедливѣе передъ Богомъ и людьми взимать налоги съ утвержденія штатовъ, чѣмъ по капризному усмотрѣнію. Страхъ передъ тиранніей, которую онъ рисуетъ рѣзкими красками, заставляетъ его отдать рѣшительное предпочтеніе англійской системѣ. „Я не знаю ни одного государства въ мірѣ, гдѣ бы общественный интересъ соблюдался въ такой степени, гдѣ бы народъ менѣе терпѣлъ отъ произвола, чѣмъ въ Англіи“. Что Комминъ предлагаетъ только принять практику болѣе послѣдовательныхъ сосѣдей, опираясь на существующее сходство формъ и принциповъ, видно изъ дальнѣйшаго: „король въ Англіи не можетъ объявлять войны безъ созванія парламента, что равняется (нашимъ) тремъ чинамъ, а это дѣло справедливое и святое, служащее на пользу и укрѣпленіе королей“. Ближе къ публицистамъ XVI вѣка высказываются оппозиціонные ораторы Турскихъ штатовъ 1484 г. Бургундскій дворянинъ *de la Roche* говорилъ здѣсь о законной долѣ постояннаго участія государственныхъ чиновъ въ управленіи, въ утвержденіи налоговъ и изданіи ординасовъ ¹⁾; далѣе онъ развивалъ тео-

¹⁾ ...nec aliquid sancte solideque subsistere quod fit invitis aut inconsultis statibus aut eorum non habito vero vel mal einterpretato consensu. *Desjardins*, *Etats Généraux*, p. 202.

рію, въ силу которой высшая власть возвращается во время малолѣтства короля къ тремъ чинамъ. Въ основѣ этой теоріи принципъ народнаго верховенства и ссыла на фактъ первоначальнаго избранія королей: *oportet propterea ut ad populum redeat hujus rei donatorum*, при чемъ *populus* и *tres status* отождествляются. Королевскую власть ораторъ разсматриваетъ какъ должность, не какъ наследственное владѣніе; въ XVI вѣкѣ публицистика также склонна сводить монарха и республиканскаго сановника одинаково на степень уполномоченныхъ народа. Миѣнія бургундскаго дворянина нашли всеобщую поддержку, и совершенно прочно утвердилась традиція, что въ малолѣтство короля должны быть созываемы штаты для того, чтобы составить правительственный совѣтъ регентства. Защитникъ монархіи въ эпоху религіозныхъ войнъ, Цампини, нисколько не сомнѣвается въ правильности этой традиціи ¹⁾.

Въ теоріяхъ штатовъ 1484 г., въ разсужденіяхъ Комина не зачѣмъ предполагать вліяніе новой струи Ренессанса. Въ теченіе 200 лѣтъ съ начала XIV вѣка работала строй, въ которомъ король и чины дѣйствовали вмѣстѣ, законодательство, финансы въ значительной мѣрѣ и внѣшняя политика опредѣлялись какъ результатъ соглашеній, уговоровъ, администрація подвигалась подъ вліяніемъ импульсовъ и указаній, заключавшихся въ жалобахъ и представленіяхъ чиновъ. Отсутствие періодичности генеральныхъ штатовъ, явленіе, повторяющееся, впрочемъ, во всѣхъ странахъ съ аналогичнымъ устройствомъ, вовсе не должно еще было придавать учрежденію чрезвычайнаго характера, тѣмъ болѣе, что провинціальныя штаты, это учащенное и раздробленное повтореніе генеральныхъ, дѣйствовали въ рядѣ областей непрерывно и прямо участвовали въ администраціи.

Безъ сомнѣнія, въ рѣчахъ депутатовъ 1484 г. лишь нѣсколько рѣзче вслѣдствіе реакціи противъ режима Людовика XI выражается конституціонное сознаніе, сложившееся подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ формъ и обычаевъ, которые составляли норму XIV и XV вѣковъ. По мѣрѣ развитія новой королевской администраціи, среди шумныхъ военныхъ событій, подъ вліяніемъ выгоднаго для монархіи разрѣшенія церковнаго вопроса, конституціонная традиція эпохи сословной монархіи, конечно, начинаетъ слабѣть и становится менѣе увѣренной. Это выражается очень характерно въ различныхъ толко-

¹⁾ *Desjardins*, p. 202.

ваніяхъ, которымъ подвергается терминъ états, чины. Сейссель объясняетъ trois états, какъ trois degrez et ordres de citoyens: 1) дворянство, 2) судьи и купцы, 3) ремесленники и крестьяне. Отманъ, поправляя Сейсселя, объясняетъ иначе: это—три правительственные элемента: король, высшія лица въ королевствѣ и народные представители ¹⁾). Но существованіе этой традиціи всюду сказывается. Ее можно найти въ галликанской школѣ, напримѣръ, у Almain. Учившій въ Парижѣ John Mair, при сравненіи французской конституціи съ шотландскою, приходилъ къ заключенію, что въ государствѣ существуютъ рядомъ двѣ высшія власти, и что изъ нихъ народная выше ²⁾). Кальвинъ, когда ему приходилось говорить объ устройствѣ Франціи, безъ колебанія опредѣлялъ tres status, tres ordines, какъ необходимый конституціонный органъ съ ясно намѣченными функциями ³⁾). Теорія, которую развивалъ при Францискѣ I парижскій парламентъ, утверждавшій, что, въ промежутки между созывами штатовъ, именно онъ, парламентъ, является выразителемъ мнѣнія страны, защитителемъ ихъ и стражемъ закона противъ произвола ⁴⁾, эта теорія указываетъ не только на возрастаніе критизаній парламента, но и на характеръ основной политической традиціи, къ которой парламентъ примыкалъ. Въ этомъ смыслѣ посторонніе наблюдатели, напримѣръ, Меланхтонъ, включали Францію въ категорію ограниченныхъ монархій вмѣстѣ съ Германскою имперіей и сопоставляли, какъ учрежденія аналогичныя, спартанскихъ эфоровъ, курфирстовъ въ Германіи и principes curiae parlamenti во Франціи ⁵⁾). Было бы задачей чрезвычайно важной прослѣдить за періодъ отъ Турскихъ штатовъ 1484 г. до начала религіозныхъ войнъ проявленія упомянутой выше политической традиціи. Тогда, вѣроятно, такія явленія, какъ декламация Ла-Бозси, не стояли бы для насъ одиноко.

Въ революціонной литературѣ второй половины XVI вѣка можно найти цѣлый рядъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, въ какой мѣрѣ она примыкаетъ къ консервативнымъ представленіямъ, а главное, можно найти совершенно аналогичныя черты и выраженія

¹⁾ Franco-Gallia, с. X (Mémoires de l'état sous Charles IX. Middelbourg, 1578).

²⁾ *Dasold*, Die Lehre von der Volkssouveränität während des Mittelalters, *Histor. Zeitschr.*, V. XXXVI (1876), pp. 362—363.

³⁾ *Bunnepe*, стр. 96.

⁴⁾ *H. Martin*, VIII, p. 94, примѣч.

⁵⁾ *Melancht.*, opp., l. c., p. 410.

въ монархической школѣ. Вейль вѣрно замѣчаетъ, что защитники вольностей въ эпоху религиозныхъ войнъ вовсе не считали своихъ взглядовъ реакціей противъ средневѣковаго образа мыслей. что они напротивъ живо интересовались историческимъ правомъ ¹⁾. Слѣдовало бы только поискать реальныхъ основаній этого увлеченія прошлымъ и точнѣе опредѣлить, какое это прошлое.

Прежде всего замѣчательно, что люди этой эпохи сходятся въ опредѣленіи той исторической даты, съ которой, по ихъ мнѣнію, нарушается защищаемый ими старый, въ ихъ глазахъ, разумѣется, исконный и естественный порядокъ Франціи. Franco-Gallia указываетъ на Людовика XI, какъ на правителя, который „первый сталъ опрокидывать добрые законы и статуты предковъ; это и создало глубокую рану, отъ которой пошло все зло“ ²⁾. Въ упомянутомъ уже памфлетѣ 1567 г. и въ анонимномъ „Обращеніи къ дворянству“ 1576 г. ³⁾—прямая ссылка на славныя воспоминанія 1465 г. и 1484 года. Reveille-Matin, упоминая о томъ, что во Франціи высшая власть принадлежитъ тремъ чинамъ, то-есть, публичному государственному совѣту, каковой въ Англіи называется парламентомъ, что безъ него король не можетъ объявлять войны и назначать налоговъ, считаетъ этотъ порядокъ нарушеннымъ въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ, то-есть, очевидно признаетъ правленія Карла VIII и Людовика XII временнымъ возстановленіемъ старыхъ традицій. Подробно развиваются въ трактатахъ предложенія Турскихъ штатовъ о составѣ королевскаго совѣта, которые въ свою очередь были повтореніемъ организацій, вводимыхъ штатами половины XIV вѣка. Авторъ Vindiciae настаиваетъ на введеніи въ королевскій совѣтъ, вмѣсто фаворитовъ, настоящихъ слугъ королевства (regni officarii, regni consortes), къ которымъ онъ относитъ маршаловъ, адмирала, канцлера; эти лица должны быть избираемы и утверждаемы штатами. Почти буквально повторяются выраженія Коммина и его современниковъ о характерѣ истиннаго французскаго строя ⁴⁾. От-

¹⁾ Weill, conclusion, p. 276. Ср. выраженія трактата Du droit des magistrats sur les sujets (1574): порядки неограниченной монархіи sont choses du tout contraires à la manière de faire des bons ancêtres et directement repugnantes aux lois posées avec le fondement de la monarchie française. Weill, p. 90.

²⁾ Franco-Gallia, введение.

³⁾ Brève remontrance à la noblesse de France sur le fait de la déclaration de Mgr. le duc d'Alençon. Weill, p. 137.

⁴⁾ Напримѣръ, въ статьѣ De la nécessité d'assembler les Etats (въ вышеприведенномъ сборникѣ Histoire de nostre temps etc., p. 500 ssq.), гдѣ рядомъ съ цитатой изъ Коммина поставлены мнѣнія ep. Марильяка и канцлера Лопитала на собраніи 1560 г.

манъ говорятъ: „не думаю, чтобы когда либо было государство (за выключеніемъ турецкаго), гдѣ бы граждане не удержали нѣкоторой доли свободы, состоящей въ обычаѣ собирать штаты“ ¹⁾. Бодэнъ также настаиваетъ на тождествѣ конституцій большей части европейскихъ государствъ и въ подтвержденіе ссылается на мнѣніе Коммина. „Правда, больше всего чины имѣютъ силы въ Испаніи, гдѣ они собираются правильно каждые два или три года, и въ Англии, гдѣ народъ не платитъ податей, если ихъ не созываютъ“ ²⁾. Но пусть не думаютъ, что „у другихъ королей больше силы, чѣмъ у англійскаго, потому что нѣтъ государя въ мірѣ, во власти котораго было бы собирать подати съ народа по усмотрѣнію, такъ же, какъ онъ не можетъ взять чужое имущество“.

Аналогіи такого умнаго наблюдателя, какъ Бодэнъ, для насъ въ высшей степени любопытны. Онъ видитъ всюду при различіи практическихъ результатовъ сходство конституціонныхъ формъ во Франціи и въ Англии. „Хотя чины въ Англии располагаютъ большею свободою, но они дѣйствуютъ лишь путемъ прошеній (*requêtes*). Они не могутъ ни собраться, ни разойтись безъ особаго приказа. Король можетъ издать указъ по усмотрѣнію и противъ воли чиновъ, какъ видно на примѣрѣ Генриха VIII, который былъ всегда полновластенъ“ ³⁾. Бодэнъ находитъ аналогію въ составѣ и порядкѣ голосованія представительныхъ собраній въ разныхъ странахъ. Два сословія не могутъ связывать третье—на этой точкѣ зрѣнія стоялъ Бодэнъ, какъ вождь третьяго сословія на Блуасскихъ штатахъ 1576 г.,—и такъ, говоритъ онъ, „всегда было на сеймахъ имперіи, въ Англии и Испаніи“ ⁴⁾.

Помимо прямаго соприкосновенія плановъ и принциповъ публицистикѣ 60 и 70 гг. XVI вѣка съ традиціями, завѣщанными эпохой болѣе правильной дѣятельности штатовъ, можно указать въ ней еще на одну любопытную черту консерватизма. Стоитъ присмотрѣться къ тому, съ кѣмъ она споритъ главнымъ образомъ. Ея удары направлены противъ *макиавелизма*, противъ обоснованія власти государя на фактической силѣ. Одинъ изъ видныхъ и талантливыхъ публицистовъ протестантскаго лагеря, Gentillet, пишетъ книгу прямо подъ заглавіемъ *Adversus Nic. Machiavellum Florentinum*, гдѣ ста-

¹⁾ Franco-Gallia, гл. X.

²⁾ République, I, III, ch. VIII *Baudrillart*, p. 337.

³⁾ Rép., I, I, ch. III. *Baudrillart*, p. 274.

⁴⁾ Rép., I, III, ch. VIII. *Baudrillart*, p. 338.

рается представить макиавелизмъ направленіемъ иноземнымъ, но вкоренившимся уже при французскомъ дворѣ ¹⁾). Въ предисловіи къ *Vindiciae contra tyrannos*, главной систематической работѣ гугенотовъ, заявляется, что цѣль книги отвѣтить Макиавелю, защитнику тиранновъ. Очень любопытно, что противъ Макиавеля въ сущности написана и книга Бодэна ²⁾). Въ этомъ направленіи полемики, въ этомъ соединеніи съ оппозиціонерами теоретика, который въ сословной монархіи видѣлъ испытанную, повсемѣстную форму, выразилась, какъ мнѣ кажется, важная черта политическаго сознанія вѣка: къ абсолютизму, какъ строю, формально еще не утвердившемуся, приурочивали революціонное для XVI вѣка ученіе Макиавеля; противники абсолютизма наоборотъ оставались на почвѣ консервативной, и имъ приходилось подумывать лишь о подборѣ и систематизаціи фактовъ, въ которыхъ они видѣли выраженіе историческаго права. Вотъ почему защитники монархіи, не желавшіе становиться на субъективную, реалистическую точку зрѣнія Макиавеля, должны были признавать справедливость историческихъ ссылокъ и принципиальныхъ, государственно-правовыхъ объясненій своихъ противниковъ.

Мнѣ кажется, можно показать, что и историческое построеніе, которое мы находимъ у Отмана, не должно разсматривать какъ, нѣчто, скомбинированное *ad hoc*, только для маскировки временной политической программы, что оно также коренится въ весьма распространенномъ историческомъ интересѣ и опирается на нѣкоторыя установившіяся уже традиціи. Уже на штатахъ въ Турѣ имя франковъ толкуется, какъ потомъ у Отмана, въ смыслѣ „защитниковъ свободы“. Приведенная мною выше статья подъ заглавіемъ *Question politique etc.* полна ссылокъ на исторію Франціи для доказательства правильности *capitulations avec le prince*. Изъ *Reveille-Matin* мы узнаемъ, что нѣкоторые южные города поручили ученымъ изслѣдовать, въ какую эпоху вторглась въ городское устройство тираннія, и послѣдніе

¹⁾ *Polens*, III, 286.

²⁾ *Baudrillart*, p. 225. Выраженія Бодэна очень интересны: Nous avons, pour exemple (то-есть, какъ примѣръ разсужденія о государственныхъ вопросахъ безъ знанія *droit public*), un Machiavel qui a eu la vogue entre les courtiers des tyrans... quant au savoir, je crois que ceux qui ont accoutumé de discourir docement, peser sagement et résoudre subtilement les hautes affaires d'Etat, s'accorderont qu'il n'a jamais sondé le gué de la science politique qui ne git pas en ruses tyraniques qu'il a recherchées par tous les coins d'Italie.

пришли къ выводамъ, одинаковымъ съ Отманомъ ¹⁾. Этотъ интересъ къ исторіи говоритъ также въ пользу консервативныхъ началъ въ оппозиціонныхъ программахъ.

Формулируя свою мысль такимъ образомъ, я имѣю въ виду возразить также противъ преувеличенія реакціонной стороны въ публицистикѣ монархомаховъ. Обыкновенно изслѣдователи рассматриваютъ оппозицію съ точки зрѣнія роста монархіи, а потому соединяютъ подъ собирательнымъ именемъ феодально-муниципальной реакціи всѣ такъ или иначе враждебныя данной политикѣ монархіи или несогласныя съ нею элементы, возрѣнія, отгѣнки и смѣшиваютъ факты весьма разнородныя. Такимъ-то образомъ въ одну категорію, какъ выраженіе одинаковыхъ тенденцій, часто ставятъ защиту Генеральныхъ штатовъ а съ другой стороны сепаратизмъ, возрожденіе духа автономіи областей и городовъ. Говорить нечего, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою стремленія прямо противоположныя. Вѣдь Генеральные штаты въ свое время сыграли важную роль въ объединеніи территоріи, въ развитіи судебной и финансовой централизаціи. Штаты были важнѣйшимъ органомъ, настоящимъ выраженіемъ объединенной Франціи и однимъ изъ существенныхъ двигателей объединенія. Извѣстно, что феодальная реакція при сыновьяхъ Филиппа Красиваго заставила вернуться къ системѣ раздробленныхъ собраний вмѣсто общихъ. Въ какой мѣрѣ именно на почвѣ Генеральныхъ штатовъ вырабатывалось сознаніе политической цѣлостности страны, объ этомъ можно судить, на примѣръ, по рѣчамъ 1484 г. Здѣсь дворяне доказывали, что каждый депутатъ получаетъ полномочія не отъ одного своего сословія, а отъ всѣхъ вмѣстѣ. Любопытно, что въ томъ же 1484 г. правительство, желая подорвать неприятный для него принципъ періодичности штатовъ, апеллировало къ узкимъ мѣстнымъ интересамъ; оно ставило на видъ провинціямъ, что Генеральные штаты уничтожатъ мѣстныя вольности и поглотятъ провинціальныя собранія. Конечно, автономныя тенденціи Лангедока или Ларошели, Пима во время религіозныхъ войнъ, пред-

¹⁾ Нѣкоторыя историческія заключенія весьма курьезны. На примѣръ, гугенотскіе города Ла-Рошель и Монтобанъ устранили дворянъ-начальниковъ и поставили во главѣ военнаго дѣла городскіе магистраты, на томъ основаніи, что „le maire du palais n'était anciennement autre que surintendant sur les principaux officiers de France; à son exemple les maires de chacune ville y avaient telle autorité et puissance que les baillis et sénéchaux sur les provinces“. Weill, p. 129.

ставляли собою явленіе совершенно другаго порядка. Къ нимъ дѣйствительно примѣнимо выраженіе Сореля, что цѣлью извѣстныхъ плановъ переустройства Франціи во время релігіозныхъ войнъ было придти не къ англійскимъ порядкамъ 1688 г., а къ германскимъ 1648 г.

Если выдѣлять программы преобразованія центрального управления отъ федералистическихъ и просто сепаративныхъ тенденцій, если различать въ оппозиціи консервативныя идеи централистическаго характера и стремленія центробѣжныя, главнымъ образомъ части городовъ и дворянства юго-запада, то, можетъ быть, не окажется вовсе аномаліи въ томъ, что Бодэнъ, развивая монархическую теорію, признаетъ еще штаты необходимымъ органомъ государственной жизни. Бодэна вообще слишкомъ охотно рассматриваютъ, какъ провозвѣстника позднѣйшаго монархическаго управления. Бодэнъ—централистъ, но онъ еще не сторонникъ безусловнаго проведенія бюрократическаго порядка—стоитъ сравнить его защиту выборнаго провинціального управления ¹⁾). Онъ видитъ еще передъ собою строй, или, по крайней мѣрѣ, пользуется традиціями строя, въ которомъ сословное представительство работало вмѣстѣ съ королевскою властью. Централизмъ и абсолютизмъ не совпадали въ XVI вѣкѣ, напротивъ очень многіе стояли на точкѣ зрѣнія необходимости примиренія, сотрудничества учрежденій. Въ борьбѣ пришлось отказаться отъ мирнаго соглашенія. Релігіозныя партіи, имѣя противъ себя правительство, хватались за учрежденія, которыя стояли рядомъ съ монархіей или ограничивали её, и поднимали ихъ надъ королевскою властью. Бодэнъ, сторонникъ прежде всего государственнаго авторитета, врагъ анархіи, склонился къ верховенству короля. Но на практикѣ Бодэнъ, какъ показываетъ его поведеніе на штатахъ 1576 г., которымъ онъ очень гордился, могъ сходиться съ гугенотами, потому что выходилъ изъ одной съ ними традиціи. Мы находимъ у нихъ различіе тона и теоретической тенденціи, но *одинаковое политическое воспитаніе*.

¹⁾ Rép., t. III, ch. VIII. *Baudrillart*, p. 337. Бодэнъ съ особенной похвалою отзывался объ администраціи Лангедока, руководимой штатами; управленія въ раус д'ѣлекціонъ и въ сравненіе нельзя ставить: ...en matière d'impôts plus il y a d'officiers (то-есть, назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ), plus il y a de pilleries. Выгоды выборнаго провинціального управления иллюстрируются кантональнымъ и городскимъ устройствомъ Швейцаріи и Германіи, гдѣ états sont encore mieux réglés.

Разъ выяснились бы консервативныя начала, политическія традиціи общаго и мѣстнаго характера во Франціи XVI вѣка, можно было бы съ большею увѣренностью говорить о томъ, что внесено *религіознымъ* и въ частности *протестантскимъ* принципомъ въ оппозиціонныя теоріи. При изслѣдованіи этого вопроса немислимо обойтись безъ изученія протестантскихъ политическихъ и церковныхъ организацій, дѣятельности ихъ синодовъ и свѣтскихъ собраний. Это въ значительной мѣрѣ уже сдѣлано ¹⁾ и остается воспользоваться результатами спеціальныхъ изслѣдованій для выясненія общаго характера политическаго сознанія во французскомъ обществѣ. Отмѣчу теперь лишь нѣкоторые моменты, которые кажутся мнѣ особенно интересными.

Мы видѣли, что изслѣдователи отмѣчают *аристократизмъ* протестантскихъ монархомаховъ и приводятъ его въ связь или съ возрожденіемъ или съ богословскими идеями кальвинистовъ; Вейль противопоставляетъ демократическій оттѣнокъ одновременныхъ католическихъ ученій ²⁾. Конечно, въ данномъ случаѣ сказывается соціальныи составъ религіозныхъ партій. Но должно точнѣе опредѣлить, какого рода аристократическій элементъ имѣютъ въ виду протестантскіе монархомахи. Здѣсь важно устройство представительства въ особыхъ совѣщательныхъ собраніяхъ и административныхъ органахъ гугенотовъ. Въ первыя два десятилѣтія религіозныхъ войнъ дворянство не только не имѣетъ преобладанія по числу и вѣсу своихъ представителей, но напротивъ постоянно можно встрѣтить усиленное или двойное представительство буржуазіи, подкрѣпляемое еще участіемъ пасторовъ, людей преимущественно городского происхожденія ³⁾. Для организа-

¹⁾ Ср. *Anquet*, Histoire des assemblées politiques des réformés (1578—1622), Paris, 1859, и *ею же*: Un nouveau chapitre de l'histoire des réformés de France, 1865. *Клячкинъ*, Политическія собранія и политическая организація кальвинистовъ во Франціи въ XVI вѣкѣ, Кіевъ, 1888 (на основаніи архивнаго матеріала, собраннаго проф. И. В. Лучицкимъ; особенно важны новыя данныя относительно гугенотской организаціи въ 1562—1570 гг.).

²⁾ *Weill*, р. 6.

³⁾ На первомъ Нимскомъ собраніи 1562 г. депутаты буржуазные равнялись по числу дворянскимъ, но, кромѣ того, еще былъ одинаковый по количеству составъ пасторовъ. *Conseil politique* 1563 г., учрежденный собраніемъ въ Валансѣ при губернаторѣ Лашедока, долженъ былъ состоять изъ 12 лицъ, при чемъ 3 избираются дворянствомъ, 8—городами и консисторіями и 1—деревнями. На новомъ собраніи въ Нимѣ въ 1570 г. при численномъ перевѣсѣ дворянскихъ депутатовъ устанавливается, однако, такой порядокъ подачи голосовъ, при которомъ буржуазные представители, вотирующие по городамъ, значительно берутъ верхъ надъ дворянами, голосующими по діоцезамъ. *Клячкинъ*, стр. 42, 68, 104.

ции послѣ Варооломеевской ночи важно собраніе въ Нимѣ 1574 г., гдѣ сходятся протестанты и представители партіи „политиковъ“; здѣсь принятъ принципъ, въ силу котораго въ собраніи избирается по одному дворянину на двухъ буржуа. Преобладаніе буржуазнаго элемента не указываетъ, конечно, на привлеченіе болѣе широкихъ слоевъ населенія къ активному участию въ политической жизни, а лишь на важную роль извѣстныхъ привилегированныхъ группъ, такъ какъ представительство набирается главнымъ образомъ изъ господствующаго слоя городовъ съ олигархическимъ устройствомъ. Дѣятельная роль городовъ въ протестантской организаціи результатъ до извѣстной степени вліянія новой церковной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, разъ граждане объединялись въ новую, живую, дѣятельную и замкнутую группу, въ церковную общину, разъ магистратъ облакался новыми высокими полномочіями и приобрѣталъ дисциплинарную власть, это не могло не вызвать оживленія коммунальныхъ традицій, возрастанія притязаній городовъ на болѣшую независимость и болѣе значительную роль въ политической жизни. Участіе церковнаго элемента въ этомъ движеніи подтверждается тѣмъ, что въ политическихъ собраніяхъ выступаютъ рядомъ съ магистратами городскія консисторіи, въ значительной мѣрѣ состоящія изъ тѣхъ же вліятельныхъ или правящихъ въ городахъ лицъ.

Церковное устройство кальвинистовъ, эта сѣть общинъ, объединенныхъ въ областныя группы подъ общимъ руководствомъ національнаго синода изъ выборныхъ отдѣльныхъ группъ, могло дать толчекъ и къ развитію *федералистическихъ* стремленій въ городахъ. Устройство политическихъ собраній гугенотовъ опять даетъ здѣсь важную иллюстрацію къ теоріямъ протестантскихъ публицистовъ. Буржуазные представители—всегда выборные по классу, не округа, а городской общины; часто это—лица магистрата. Въ проектѣ великаго протестантскаго союза 1573 г. ¹⁾ идеальный порядокъ выбора главнаго начальника и порядокъ совѣщанія о важныхъ дѣлахъ сравнивается въ учено-педагогической формѣ съ устройствомъ амфиктіонійскаго союза эпохи Павзанія, въ которомъ *les majeurs et conseils des villes se pouvoient assembler en quelque lieu et villes commodes pour toutes.* Литературно-образованный составитель проекта говоритъ еще, что

¹⁾ *Naag, La France protestante, (Paris 1846 — 1852), Pièces justificatives, t. X.*

желательный способ выбора начальника долженъ напоминать, какъ въ свое время ионійцы, доряне, беотійцы, ахен, долоны и другіе народы 12 цвѣтущихъ городовъ Греціи собирались для обсуждения своихъ дѣлъ два раза въ году¹⁾. Это мѣсто очень любопытно потому, что оно указываетъ, въ какомъ пунктѣ современное общественное или политическое сознаніе находило дѣйствительныя точки соприкосновенія съ античными порядками. Впрочемъ къ цитатамъ и историческимъ сравненіямъ надо относиться осторожно: онѣ сплошь и рядомъ могутъ быть случайными реминисценціями ученыхъ авторовъ и свидѣтельствовать лишь о сильномъ возбужденіи ихъ фантазіи подѣ влияніемъ бурныхъ событій и принципиальной борьбы. Изъ того же самого проекта—замѣтимъ, официального характера—можно привести сравненіе вождя (*chef général*) протестантовъ съ римскимъ диктаторомъ, при чемъ авторъ не смутился фактомъ значительнаго ограниченія власти протестантскаго начальника. Далѣе любопытно, какъ проектъ, рекомендуя бережливость при веденіи войны, приводитъ вслѣдъ за примѣромъ Давида, который рѣшился въ нуждѣ взять изъ храма хлѣбы предложенія, еще примѣръ Аннибала, въ доказательство того, что—à se que Tite Live dict—война питаетъ войну.

Было бы очень интересно прослѣдить, какъ церковныя идеи и жизнь отразились вообще на развитіи принципа *представительства*. Протестантская публицистика, въ аналогіи впрочемъ съ иезуитскою, развила здѣсь одно оригинальное начало, которое служило вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіемъ вооруженнаго сопротивленія; а именно мысль, что представители народа—своего рода власть, тоже *magistratus*, хотя и *inferiores* по сравненію съ государемъ, но въ совокупности своей превосходящіе авторитетомъ высшее въ государствѣ лицо; мысль, что они призваны быть стражами Божьяго дѣла и въ случаѣ измѣны государя договору съ Богомъ должны сопротивляться тиранну и взять въ свои руки власть. Это ученіе, придававшее пароднымъ представителямъ своего рода божественный авторитетъ²⁾, коренится въ извѣстныхъ заявленіяхъ Кальвина, но его можно связать съ общимъ религиознымъ движеніемъ, съ усиленіемъ теократическаго начала въ

¹⁾ Альтгюзій высказываетъ эту мысль прямо: *rex et ephori a Deo constituuntur et a populo, a Deo mediate et a populo immediate. Gierke, p. 69.* Представленіе объ ограничивающей власти эфората связывалось еще раньше съ парламентомъ во Франціи. *Weill, p. 20.*

протестантской и католической средѣ. Практика въ городскихъ общинахъ, начиная съ Женевы, участіе церковныхъ представителей въ политическихъ собраніяхъ гугенотовъ, обличительная роль пасторовъ въ политической жизни показываетъ, что подъ эфорами, трибунами и т. д., какъ бы ни обозначали этихъ *populares* или *inferiores magistratus*, разумѣлись прежде всего представители церкви. Ихъ авторитетъ, по принципу чисто нравственный, но, какъ въ свое время въ средневѣковой церкви, неизбежно переходившій въ общее вмѣшательство и критику гражданскихъ порядковъ, ихъ посредническая роль между народомъ и властями, послужили главною опорой ученія объ *inferiores magistratus*. Что связь мысли была именно такова, можно видѣть напрямѣръ, изъ Меланхтона. Меланхтонъ считаетъ прекрасною сдержкою по отношенію къ монархіи участіе въ представительномъ учрежденіи епископовъ, которые, говоритъ онъ, будутъ дѣйствовать *tanquam ephori*; подтвержденіе своему взгляду онъ находитъ у пророка Давіида ¹⁾.

Цѣль приведенныхъ соображеній было лишь намѣтить на опредѣленномъ матеріалѣ недостатки существующихъ приемовъ въ изученіи исторіи политическихъ идей и указать на необходимость внимательнаго изученія общественныхъ традицій и политическихъ привычекъ для выясненія характера и тенденціи общихъ политическихъ системъ. Въ данномъ случаѣ, въ разъясненіи историческихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ изученіемъ французской публицистики эпохи религиозныхъ войнъ, интересъ можетъ направляться по весьма различнымъ линіямъ: публицистика монархомаховъ имѣетъ значеніе для политической исторіи Франціи въ эпоху перехода къ абсолютизму, поскольку она можетъ раскрыть силу національно-политическихъ традицій, сложившихся въ періодъ сословной монархіи; затѣмъ она важна для исторіи

¹⁾ Comment. in aliquot polit. libr. Aristot. Melancht. opp. XVI, 440. Критика гражданскихъ порядковъ съ церковной кафедры, практиковавшаяся въ Женевѣ, и ея теоретическое оправданіе у пасторовъ вполне совпадаютъ съ принципами, выраженными, напрямѣръ, у Беллармина: *Spiritualis non se miscet temporalibus negotiis—dummodo non obsint fini spirituali aut non sint necessaria ad eum consequendum. Si autem tale aliquid accidit, spiritualis potestas potest et debet coercere temporalem omni ratione et via quae ad id necessaria videbitur.* Цитировано у Ранке, I. с., p. 230.

реформація вообще, насколько теоріи монархомаховъ выясняютъ роль и силу религіознаго принципа на политической почвѣ; наконецъ миѣ кажется, что эта публицистика даетъ любопытный матеріалъ для опредѣленія того, какъ вообще возникаютъ и развиваются революціонныя теоріи, изъ какихъ элементовъ онѣ слагаются, къ какимъ даннымъ настроенія и выработавшагося политическаго сознанія онѣ примыкаютъ, какъ комбинируютъ или обостряютъ тѣ или другія наличныя уже начала политическаго сознанія.

Р. Вишперъ.
